

Марина Григорьевна Довгаль

Ваш Гоголь

Поэма

Марина Довгаль

Ваш Гоголь. Поэма

«Издательские решения»

Довгаль М. Г.

Ваш Гоголь. Поэма / М. Г. Довгаль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858657-6

Моя книга о великом русском писателе, классике Николае Васильевиче Гоголе, написанная строго по найденным документам. О нем много написано. 165 лет прошло со дня его смерти, а привычка копаться в «грязном белье» у некоторых «литературоведов» осталась. Поэтому почитайте непременно мой непредвзятый рассказ. Наверное многих удивит определение жанра как «поэма» Признаюсь, не знала куда отнести: по сути не повесть и не очерк. Скорее всего историческое о легендарной Личности произведение — поэма.

ISBN 978-5-44-858657-6

© Довгаль М. Г.
© Издательские решения

Содержание

Юность	6
Санкт-Петербург	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ваш Гоголь Поэма

Марина Григорьевна Довгаль

© Марина Григорьевна Довгаль, 2019

ISBN 978-5-4485-8657-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юность

Хочу нестерпимо высказаться о любимом писателе в противовес всем надуманным и предвзятым суждениям, как давешним, так и современным. О писателе непонятым современниками и нами порядком измороженным. Странное дело, к таинственности, мистицизму и передергиванию жизненных фактов гения первыми приложили руки его же биографы, а додумали уже последующие «исследователи», не жалея красок. Не буду долго жевать, и рассуоливать на эту тему, а возьмусь и выложу свой взгляд об этой личности, сформировавшийся под чтением его книг, знакомства с биографией, другой о нем литературы и размышлениями о том.

Взявшись за сей труд, я представить себе не могла чего мне будет это стоить. К тому что я знала о Гоголе, а оказалось, знала немного, надо было добыть, подтверждающие документы того или иного события произошедшего в его жизни: голословной не хотелось быть, хотелось написать то, во что бы поверил читатель. В деле же я столкнулась с огромнейшей и, главное, разнящейся информацией наводнившей интернет. Доходило до того, что его письма перевранные и переделанные на современный лад подчас сбивали столку и шокировали статьи, где разбирались его работы на предмет психического состояния на момент написания, а частое употребление характеристик: скрытный, замкнутый, угрюмый, загадочный, противоречивый выводили из себя. Но терпение мое и усердие оправдались: были найдены подлинники писем, воспоминания очевидцев (чему я очень рада) и надежда рассказать о Гоголе более правдоподобно и создать цельный образ, представлявшийся мне с тех пор как я открыла его для себя, возросла на значительные величины. Я не ставлю перед собой задачи обличать его. Как и все мы, он тоже неидеален: в каждом да найдется ложка дегтя. А у Гоголя за значительным рядом положительных черт отрицательных столь мало, что я решила их не касаться. Я не идеализирую писателя, лишь веду рассказ, опираясь на документы. Получилось ли у меня создать образ Гоголя судить, определено, читателю.

И так Гоголь. Не буду заострять внимание на детстве, которое прошло в небольшом помещичьем имении в деревеньке или как говорят на Украине: хуторе, а перейду сразу к приезду его в Санкт-Петербург. Хотя, как не сказать о предшествовавших тому не малозначимых событиях в его жизни: рождение (1809) в казацкой династии Гоголь-Яновских в живописном местечке Сорочинцы Полтавской губернии и проживание в среде крестьянского и панского быта с классическим мещанским укладом. Рождение братьев и сестер (6 мальчиков и 6 девочек) и смерть некоторых в младенчестве, а он болезненный и слабый, единственный ребенок мужского пола продолжит свое житие с четырьмя сестрами Марией, Анной, Елизаветой и Ольгой. Возможно, болезненная наследственность досталась ему от отца умершего в 47 лет (1825), а может быть и раннее замужество матери сказалось на здоровье детей (Известно что она вышла замуж в 14 лет). В возрасте 10 лет он был определен в училище, а в 12 – гимназию, об его пребывании в Нежинской Гимназии Высших Наук, где он проучился шесть лет, стоит рассказать подробнее, да и характер его показать оттуда.

Оторванный от дома и попавший в новую среду Гоголь показал себя неплохо. Учился достаточно, хотя слыл «учеником способным, но ленивым, дерзким и неряшливым на вид»; развивал кипучую деятельность во всех начинаниях: как в организации поэтического кружка, так и театра, умело и уверенно представляя себя в различных ролях; пристрастился к рисованию; занимался танцами и музыкой, шkodил и получал розгой за то, как и все прочие гимназисты. Внеклассная деятельность юноши, а она была бурной, никак не вяжется с угрюмостью, нелюдимостью которую приписывают Гоголю довольно часто. Употребление этих эпитетов началось Кулишом: первым биографом, не знавшим писателя лично.

Михаил Петрович Погодин, близко знавший Гоголя, по поводу книги Кулиша отметил:

«Главный недостаток, по нашему мнению, состоит в том, что автор не знал лично своего героя, и потому подле верной черты в его портрете, встречается иногда совершенно ложная».

Из чего же взялись ложные суждения? Я думаю, из тех же гоголевских писем, которые прочитав и увидев там, выше приведенные эпитеты применимые писателем к себе, не уяснив смысла с которым он применяет их, биографы обманулись и обманули читателей, поэтому приведу письма для вас без значимых сокращений, что бы вы сами все поняли и сделали правильные выводы.

Первые письма к родителям. Гоголю 13 лет:

Декабрь. 1822 год.

«Ежели угодно вамъ будетъ, чтобъ я учился танцовать и играть на скрипке и фортепіано, такъ извольте заплатить 10 рублей въ мѣсяць. Я уже подписался хотевшимъ учиться на сихъ инструментахъ, также и танцованію, но не знаю, какъ вамъ будетъ угодно.»

Октябрь. 1823 год.

«Я еще не начиналъ учиться танцовать; однако время не уйдетъ. Ежели вы только пришлете деньги черезъ Федьку, то я до Рождества еще буду уже совершенно уметь танцовать.»

22 января 1823 год.

«Скрипку и другія присланныя вами мне вещи исправно получилъ. Извините, что я вамъ не посылаю картинъ. Вы, видно, не поняли, что я вамъ говорилъ; потому что эти картины, которыя я вамъ хочу послать, были рисованы пастельными карандашами и не могутъ никакъ дня пробыть, чтобъ не потереться, ежели сейчасъ не вставить въ рамки. И для того прошу васъ и повторяю прислать мне такой величины, какъ я вамъ писалъ. (...) Посылаю вамъ при семь „Вестникъ Европы“ въ целости и прошу васъ покорнейше прислать мне комедіи, какъ-то: „Бедность и Благородство Души“, „Ненависть къ Людямъ и Раскаяніе“, „Богатонъ или Провинціалъ въ Столице“, и еще ежели какихъ можно прислать другихъ, за что я вамъ очень буду благодаренъ и возвращу въ целости. Также, ежели можете, то пришлите мне полотна и другихъ пособій для театра. Первая піеса у насъ будетъ представлена „Эдипъ въ Афинахъ“, трагедія Озерова. Я думаю, дражайшій папенька, вы не откажете мне въ удовольствіи семь и прислать нужныя пособія, такъ, ежели можно, прислать и сделать несколько костюмовъ, сколько можно, даже хоть и одинъ; получше, ежели бы побольше; также хоть немного денегъ. Сделайте только милость, не откажите мне въ этой просьбе. Каждый изъ насъ уже пожертвовалъ что; могъ, а я еще только. Какъ же я сыграю свою роль, о томъ я васъ извещу. Я переменялся какъ въ нравственности, такъ и въ успехахъ. Ежели бы вы увидели, какъ я теперь рисую! [я говорю о себе безъ всякаго самолюбія].»

17-го января 1824 года.

«Я теперь сделался большимъ хозяиномъ: умею различать хлеба и на каникулахъ покажу вамъ, где сено, овесъ, жито и прочее.»

Главная черта его характера открылась в Нежине и состояла в том, чтобы находиться в центре внимания, выделиться. Это было необходимо, этого требовала его натура и это у него получалось. Обычный деревенский светловолосый паренек худощавый и болезненный был заводила в делах касаемых изящного и искусств. Это проявлялось как в театре так, в литературном кружке, где Гоголь, увлеченный современной поэзией, читал свои стихи и первую прозу «Нечто о Нежине или дуракам закон не писан» (изобразив в ней лица населявших Нежин сословий), слушал прочее, спорил и боготворил Пушкина. О своих театральнх успехах он пишет матери:

1827-го года, февраля 26. Нежинъ.

«Посмотрите же, какъ я повеселился. Вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго. Вы одне только видели, что подь видомъ иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таилось кипучее желаніе веселости, и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видели или хотели видеть во мне признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку счастливой, веселой жизни, удивляясь, какъ люди, жадные до счастья, немедленно убегаютъ его, встретившись съ нимъ. (...) Ежели объ чемъ я теперь думаю, такъ это все о будущей жизни моей. Во сне и на яву мне грезится Петербургъ, съ нимъ вместе и служба государству. (...) Масленицу, всю неделю, мы провели такъ, что желаю всякому ее провести, какъ мы: всю неделю веселились безъ устали. Четыре дня съ ряду быть у насъ театръ, и, къ чести нашей, признали единогласно, что изъ провинціальныхъ театровъ ни одинъ не годится противъ нашего. Правда, играли все прекрасно. Две французскія піесы, соч. Мольера и Флоріана, одну немецкую, соч. Коцебу; русскія: «Недоросль», соч. Фонъ-Визина; «Неудачный Примиритель», Княжнина; «Лукавинъ», Писарева, и «Береговое Право», соч. Коцебу. Декораціи были отличныя, освещеніе великолепное, посетителей много, и всё пріезжіе, и все съ отличнымъ вкусомъ. Музыка тоже состояла изъ нашихъ: восемнадцать увертюръ Россини, Вебера и другихъ были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой провелъ теперь. Дай Богъ, чтобъ вы провели его еще веселее. (...) Позвольте васъ, почтеннейшая маминька, потрудить одною просьбою: сделайте милость, пришлите мне холста самага толстаго штуки две и, ежели можно, более. Намъ необходимо нуженъ. Вы этимъ много, много одолжите меня. А до того остаюсь съ сыновнимъ почтеніемъ и самую жаркою преданностью и любовью, остаюсь навсегда послушнейшимъ сыномъ «Николаемъ Гоголемъ.»

Не только друзья: вся гимназия от учащихся и до преподавателей признавали его таланты, особенно театральные: комедийного характера и он весело их представлял на сцене и в классах, подшучивая над учителями, за что и получал. К примеру, из воспоминаний друга Данилевского:

«На вопрос учителя:

– Что последовало после смерти Александра Македонского?

Гоголь ответил:

– Похороны.

Чем вызвал бурный хохот учащихся и гнев учителя».

Рассказывая о Гоголе нельзя обойти вниманием школьных друзей, которых было несколько и связь с ними, он поддерживал вплоть до самой смерти. Перечень друзей мной предьявлен не полностью, лишь близкие.

Сосед и друг детства Александр Данилевский (1809—1888), который сопровождал Гоголя в Петербург. В Петербурге он поступает в школу гвардейских прапорщиков и в большей степени живет на доход родительского имения. После смерти матери возвращается домой и занимает должность директора гимназий в Полтавской губернии.

Так же Высоцкий Герасим (1804—1870), закончивший гимназию двумя годами раньше Гоголя. Информации об этом человеке мала. Известно, что он уехал в Петербург после учебы, устроился на службу, но ничего там не добился и вернулся в свое поместье в Полтавской губернии. Информации о продолжении дружественных отношений с появлением Гоголь в Петербурге не найдено, видимо Высоцкого к тому времени в городе не было.

Николай Прокопович (1810—1857), страсть к театру, которого сблизила с Гоголем. Они сочиняли вместе сценки, репетировали и давали спектакли. Прокопович не уступал в актерстве

Гоголю. Он превосходно играл трагические роли, а Гоголю лучше давались роли комические. Прокопович закончив гимназию, спешит к Гоголю в Питер, где вливается в семью «одноборщевников» и в складчину они едят не только борщи, но и снимают жилье. Прокопович проявил талант в поэзии, но своего стиля не открыл: остался под воздействием поэзии Пушкина и Жуковского.

Константин Базили (1809—1884) – востоковед, путешественник, русский дипломат греческого происхождения являлся российским консулом в Сирии и Палестине. В бейрутском доме Базили останавливался во время путешествия в Иерусалим Гоголь. Он написал ряд работ на исторические и политические темы, где «Сирия и Палестина под турецким правительством» занимает особое место.

Нестор Кукольник (1809—1868) 1825 году выпущенный из гимназии за вольнодумство. В 1831 году приезжает в Петербург, где занимается писательством прозы, стихов и пьес; оставался с Гоголем в переписке до его смерти. На его стихи написано 27 романсов и в том числе Глинкой: «Жаворонок» и «Попутная песня». Имел свой стиль, развивал в русской литературе историко-биографический и любовно-авантюрный жанры.

Помимо страсти к театру у Гоголя в стенах гимназии возникло новое увлечение – журналистика.

Тайно от товарищей: по ночам он готовил к изданию журнал под названием «Звезда». «Над своим детищем он хлопотал долго и старательно, писал стихи и статьи, раскрашивал обложку на подобие печатной. Тайна открывалась первого числа месяца: «журнал «Звезда» выходил в свет, а «издатель» брал иногда на себя труд читать вслух», из воспоминаний Данилевского.

Именно тогда к Гоголю пристала кличка «таинственный Карло», потому что несмотря на просьбу друзей раскрыть тайну занятий, мальчик, готовящий сюрприз, демонстративно прятал что-то, стоило застать его за этим занятием. Не только в игре с издательством проявлялась гоголевская, так называемая скрытность или таинственность: он любил делать сюрпризы, готовился к ним и радовался произведенному эффекту, эту черту он проявил и дальнейшей жизни, с удовольствием читая свои новые работы в литературных салонах.

О своих успехах в поэзии юноша пишет матери восторженно и гордо:

От 23-го ноября, 1826г.

«Думаю, удивитесь вы успехамъ моимъ, которыхъ доказательства вручу лично вамъ. Сочиненій моихъ вы не узнаете: новый переворотъ настигнулъ ихъ; родъ ихъ теперь совершенно особенный. Радъ буду, весьма радъ, когда принесу вамъ удовольствіе».

Он был умен, легок и остер на язык, быстр в действии, добр и как никто гласт к окружению. К концу своего обучения юноша становится серьезнее и, готовя себя к намеченной цели, то бишь к «служению государеву» принимается самостоятельно изучать языки, читает новую, только появившуюся литературу и классиков.

26 января 1827 год.

Благодарю васъ за присылку денегъ, такъ же и почтеннейшаго дедушку. Въ это время оне бывають мне очень нужны. Мой планъ жизни теперь удивительно строгъ и точенъ во всехъ отношеніяхъ; каждая копейка теперь имеетъ у меня место. Я отказываю себе даже въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ темъ чтобы иметь хотя малейшую возможность поддержать себя въ такомъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы иметь возможность удовлетворить моей жажде видеть и чувствовать прекрасное. Для негото я съ трудомъ величайшимъ собираю годовое свое жалованье, откладывая малую часть на нужнейшія издержки. За Шиллера, котораго я выпи-саль изъ Лемберга, даль я 40 рублей: деньги весьма немаловажныя по моему состоянію, но я награжденъ съ излишкомъ и теперь несколько часовъ въ день провожу съ величайшею пріятностью. Не забываю также и русскихъ и выписываю что; только выходитъ самага отличнаго.

Разумеется, что я ограничиваюсь одним только чем-либо; в целые поль-года я не приобретаю более одной книжки, и это меня крушитъ чрезвычайно. Удивительно, какъ сильно можетъ быть влеченіе къ хорошему. Иногда читаю объявленіе о выходе въ светъ творенія прекраснаго; сильно бьется сердце и съ тяжкимъ вздохомъ роняю изъ рукъ газетный листокъ объявленія, вспомня невозможность иметь его. Мечтаніе достать его смущаетъ сонъ мой, и въ это время полученію денегъ я радуюсь более самаго жаркаго корыстолюбца. Не знаю, что; бы было со мною, ежелибы я еще не могъ чувствовать отъ этого радости; я бы умеръ отъ тоски и скуки. (...) Давно ли я приехалъ съ Рождества? а уже трехъ месяцевъ какъ не бывало. Половина времени до каникулъ утекла; еще половина, и я опять съ вами, опять увижу васъ и снова развеселюсь во всю ивановскую. Не могу надивиться, какъ весела, какъ разнообразна жизнь наша. Одно имя каникулъ приводитъ меня въ восхищеніе. Какъ-бы то ни было, но целый годъ бывши какъ-будто въ заключеніи и въ одно мгновеніе ока увидеть всехъ родныхъ, все близкое сердцу... очаровательно! До следующей почты.

Любящій васъ более всего въ міре сынъ вашъ Николай Гоголь.

В конце 1827 года он писал к матери:

«Я теперь совершенный затворникъ въ своихъ занятіяхъ. Целый день съ утра до вечера ни одна праздная минута не прерываетъ моихъ глубокихъ занятій. Объ потерянномъ времени жалеть нечего; нужно стараться вознаграждать его; и въ короткіе эти поль-года я хочу произвести и произведу (я всегда достигалъ своихъ намереній) вдвое более, нежели во все время моего здѣсь пребыванія, нежели въ целые шесть летъ. Мало я имею къ тому пособій, особливо при большомъ недостатке въ нашемъ состояніи. На первый только случай, къ новому году только, мне нужно по крайней мере выслать 60 рублей на учебныя для меня книги, при которыхъ я еще буду терпеть недостатокъ. Но при неусыпности, при моемъ железномъ терпѣніи, я надеюсь положить съ ними начало по крайней мере, котораго уже невозможно бы было сдвинуть, начало великаго предначертаннаго мною зданія. Все это время я занимаюсь языками. Успехъ венчаетъ, слава Богу, мои начинанія. Но это еще ничто съ предполагаемымъ: въ остальные поль-года я положилъ себе за неперемѣнное – окончить совершенно изученіе трехъ языковъ. Мне жалко, мне горестно только, что я принужденъ васъ разстроивать и беспокоить, зная наше слишкомъ небогатое состояніе, моими просьбами о деньгахъ, и сердце мое разрывается, когда подумаю, что я буду иметь неприятную необходимость надоедать вамъ подобными просьбами чаще прежняго. Но, почтеннейшая маминька, вы, которая каждый часъ заставляете насъ удивляться высокой своей добродетели, своему великодушному самоотверженію единственно для нашего счастья, не старайтесь сохранять для меня имения. Къ чему оно? Только разве на первые два или три года въ Петербургѣ мне будетъ нужно вспоможеніе, а тамъ... разве я не умею трудиться? разве я не имею твердаго, неколебимаго намеренія къ достиженію цели, съ которымъ можно будетъ все побеждать? и эти деньги, которыя вы мне будете теперь посылать, не значить ли это отдача въ ростъ, съ темъ, чтобъ после получить утроенный капиталъ съ великими процентами? Продайте тотъ лесъ большой, который мне назначенъ. Деньгами, вырученными за него, можно не только сделать вспоможеніе мне, но и сестре моей Машиньке. (...) Объ меньшихъ сестрахъ после подумаемъ. А вы, маминька, осчастливите меня своимъ пребываніемъ, и, спустя какихъ-нибудь года три после своего бытія въ Петербургѣ, я приеду за вами. Вы тогда не оставите меня никогда. Тогда вы будете въ Петербургѣ моимъ ангеломъ-хранителемъ, и советы ваши, свято мною исполняемые, заглядятъ прошлое легкомысліе моей юности, и тогда-то я буду совершенно счастливъ.»

Мечта о Петербургѣ и служенію отчизне приходит к Гоголю не вдруг и не ему одному: атмосфера в гимназии кипит такими юношескими идеями, как отправиться в далекий таинственный город, где собралась плеяда знаменитых поэтов и прозаиков, за которыми ученики

следили, собирали в складчину деньги и выписывали вышедшие книги любимых поэтов и подражали им. Мечта Гоголя не осталась пустыми грезами: на протяжении курсов Гоголь настраивал себя, готовил к неизвестным покуда, но желаемым великим свершениям во благо народа. Он не знал, что это будет и как произойдет, но был уверен, что произойдет.

П. П. Косяровскому (двоюродный дядя со стороны матери) от 3 октября 1827 года
«К тому времени, когда я возвращусь домой, может быть, судьба закинет меня в Петербург, оттуда навряд ли залечу в Малороссию. Да может быть, целый век достанется жить в Петербурге; по крайней мере такую цель я начертал уже издавна».

Скажи, дорогой читатель, есть ли в этом плохая черта и кто в юности не грезит великими свершениями? Абсолютно все по молодости, не зная жизни, строят грандиозные планы, не все только добиваются. А у Гоголя к мечтам добавлялись твердость духа, сила нестерпимая, влекомая его в неизвестность и злая, в хорошем смысле этого слова, настырность. Наметив еще в гимназии место своего поприща и ни что нибудь, а Петербург, столицу России, которую построил великий Петр Первый и жил любимый им Пушкин, он всеми силами стремился к цели. Невелика ли эта мечта для провинциального мальчишки? Велика!

С приближением окончания учебных курсов Гоголь остался один: друзья поразъехались, единственной радостью становятся письма от них.

Письмо Высоцкому в Петербург, где Гоголь изливает ему душу: 1827 годъ, м. июнь, число 26. Нежинъ.

«Пишу къ тебе таки изъ Нежина. Не думай, чтобы экзамень могъ помешать мне писать къ тебе. Письмами твоими я уже более сблизился съ тобою, и потому буду безпрестанно надоедать. Мне представляется, что ты сидишь возле меня, что я имею право поминутно тебя спрашивать. Милый, Герас. Иван., знаю привязанность твою: она вылилась вся въ письме твоёмъ, хотя ты меня ужаснулъ чудовищами великихъ препятствій. Но они безсильны; или – странное свойство человека! – чемъ более трудностей, чемъ более преградъ, темъ более онъ летитъ туда. Вместо того, чтобы остановить меня, они еще более разожгли во мне желаніе. (...)

Я осиротелъ и сделался чужимъ въ пустомъ Нежине и ничего теперь такъ не ожидаю, какъ твоихъ писемъ. Они – моя радость въ скучномъ уединеніи. Несколько только я разгоняю его чтеніемъ новыхъ книгъ, для которыхъ берегу деньги, неоставляющія для меня ничего, кроме ихъ, и выписываніе ихъ составляетъ одно мое занятіе и одну мою корреспонденцію. Никогда еще экзамень для меня не былъ такъ несносенъ, какъ теперь. Я совершенно весь истомленъ, чуть движусь. Не знаю, что со мною будетъ далее. Только я надеюсь, что поездкою домой обновлю немного свои силы. Какъ чувствительно приближеніе выпуска, а съ нимъ и благодетельной свободы! Не знаю, какъ-то на следующій годъ я перенесу это время!... Какъ тяжело быть зарыту вместе съ созданьями низкой неизвестности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всехъ нашихъ существователей, всехъ, населившихъ Нежинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человека. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться... Изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши. Только между товарищами, и то не многими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь. (...)

Ты уже и успелъ дать за меня слово объ моемъ согласіи на ваше намереніе отправиться за границу. Смотри только впередъ не раскаться? можетъ быть, мне жизнь петербургская такъ понравится, что я и поколеблюсь и вспомню поговорку: «не ищи того за моремъ, что сыщешь ближе». Только когда это еще будетъ? Еще годъ мне нужно здесь, да годъ, думаю, въ Петербурге; но, впрочемъ, я безъ тебя не останусь въ немъ: куда ты, туда и я. (...)

Данилевскій находится теперь въ Москве, не могу наверно сказать где, но, кажется, въ пансіоне. Петръ Александровичъ Б***, наскуча недеятельною жизнью, захотелъ отведасть трудностей воинскихъ, и, месяцъ назадъ, я получилъ письмо, въ которомъ объявляетъ онъ о своемъ определеніи въ Северскій конно-егерскій полкъ. (...) Мишель нашъ, баронъ Кунжуть-фонъ-

Фонтикъ (...) уже подалъ было прошеніе о принятіи его въ драгунскій полкъ: но благоразумный отецъ, узнавъ объ этомъ, отеческою рукою расписалъ ему задній фасадъ, въ числе 150 ударовъ, и онъ, барончикъ Хопцики, обновленный, явился у насъ снова, празднуя свое перерожденіе. Но я, думаю, надоелъ тебе пустяками. Но неужели мы должны векъ серьёзничать, и отчего же изредка не быть творителями пустяковъ, когда ими пестрится жизнь наша? Признаюсь, мне наскучило горевать здесь, и, не могши ни съ кемъ развеселиться, мысли мои изливаются на письме (...) Уже ставлю мысленно себя въ Петербурге, въ той веселой комнатке, окнами на Неву, такъ какъ я всегда думалъ найти себе такое место. Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, буду ли я точно живать въ этакомъ райскомъ месте, или неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ меня съ толпою самодовольной черні (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мне черную квартиру неизвестности въ міре. Но, покуда еще неизвестно намъ предопределеніе судьбы, ужели нельзя хотя помечтать о будущемъ? (...) Не знаю, можетъ ли что удержать меня ехать въ Петербургъ, хотя ты порядкомъ пугнулъ и пристращаль меня необыкновенною дороговизною, особливо съестныхъ припасовъ. Более всего удивило меня, что самые пустяки такъ дороги, какъ-то: манишки, платки, косынки и другія безделушки. У насъ, въ доброй нашей Малороссіи, ужаснулись такихъ ценъ и убоялись, сравнивъ суровый климатъ вашъ, который еще нужно покупать необыкновенною дороговизною, и благословенный малороссійскій, который достается почти даромъ; а потому многіе изъ самыхъ жаркихъ желателей уже наостряютъ лыжи обратно въ скромность своихъ недалнихъ чувствъ. Хорошо, ежели они обратятъ свои дела для пользы человечества. Хотя въ самой неизвестности пропадутъ ихъ имена, но благодетельныя намеренія и дела освятятся благоговеніемъ потомковъ.

Позволь еще тебя, единственный другъ Герас. Иван., попросить объ одномъ деле... надеюсь, что ты не откажешь... а именно: нельзя ли заказать у васъ въ Петербурге портному самому лучшему фракъ для меня? Мерку можетъ снять съ тебя, потому что мы одинакого росту и плотности съ тобой. А ежели ты разжирель, то можешь сказать, чтобы немного уже. Но объ этомъ после, а теперь – главное – узнай, что стоитъ пошитье самое отличное фрака по последней моде, и цену выставь въ письме, чтобы я могъ знать, сколько нужно посылать тебе денегъ. А сукно-то, я думаю, здесь купить, оттого, что ты говоришь – въ Петербурге дорого. Сделай милость, извести меня какъ можно поскорее, и я уже приготовлю все такъ, чтобы, по полученіи письма твоего, сейчасъ все тебе и отправить, потому что мне хочется ужасно какъ, чтобы къ последнимъ числамъ или къ первому ноябрю я уже получилъ фракъ готовый. Напиши, пожалуйста, какія модныя матеріи у васъ на жилеты, на панталоны, выставь ихъ цены и цену за пошитье. Извини, драгоценный другъ, что я тебя затрудняю такъ; какъ ты обяжешь только меня этимъ! Желаю тебе чтобы никогда минута горести не отравляла часовъ твоей радости.

А я до гроба твой Неизменный, верный, всегда тебя любящій Николай Гоголь».

На письмо матери, в котором та ругает сына за легкомыслие, нерадивость, опрометчивость, расточительность Гоголь сообщает ей, как ему далась жизнь в Нежине. Стоит ли описывать, дорогой читатель, жизнь в гимназии тех лет, где строгий распорядок дня и прочие требования давят на психику. Это может подтвердить любой живший в теперешних интернатах. А существование в тех и теперешних не так уж разнится. Скопление в замкнутом пространстве воспитанников с различным мировоззрением, воспитанностью, складом ума и характерами рождает агрессию. Такую как сделать «гусара», то есть вставить в ноздри спящему скрученные в трубочку бумажки с засыпанным в них табаком, который спящий вдохнет во сне. Это только единственный пример из тех что предпринимались.

1-го марта, 1828г. письмо к матери.

«Я не говорилъ (вамъ) никогда, что потерялъ целые 6 летъ даромъ. Скажу только, что нужно удивляться, что я въ этомъ глупомъ заведеніи могъ столько узнать еще. Вы изъявляли сожаленіе, что меня въ начале не поручили кому; но знаете ли, что для этого нужны были

тысячи? Да что бы изъ этого было? Видель я здесь и техъ, которые находились подь особымъ покровительствомъ. Имъ только лучше ставили классные шары, а впрочемъ они были глупее прочихъ, потому что они совершенно ничемъ не занимались. Я не тревожилъ васъ уведомленіемъ объ этомъ, зная, что лучшаго воспитанія вы дать мне были не въ состояніи и что не во всякое заведеніе можно было такъ счастливо на казенный счетъ попасть. Кроме неискусныхъ преподавателей наукъ, кроме великаго нераденія и проч., здесь языкамъ совершенно не учать. Ежели я что знаю, то этимъ обязанъ совершенно одному себе. И потому не нужно удивляться, если надобились деньги иногда на мои учебныя пособія, если не совершенно достигъ того, что мне нужно. У меня не было другихъ путеводителей, кроме меня самаго, а можно ли самому, безъ помощи другихъ, совершенствоваться? Но времени для меня впереди еще много, силы и стараніе имею. Мои труды, хотя я ихъ теперь удвоилъ, мне не тягостны ни мало; напротивъ, они не другимъ чемъ мне служатъ, какъ развлеченіемъ, и будутъ также служить имъ и въ моей службѣ, въ часы, свободные отъ другихъ занятій. Что же касается до бережливости въ образе жизни, то будьте уверены, что я буду уметь пользоваться малымъ. Я больше поиспыталъ горя и нужды, нежели вы думаете. И врядъ ли кто вынесъ столько неблагоприятностей, несправедливостей, глупыхъ, смешныхъ притязаній, холоднаго презренія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія; никто не слыхалъ моихъ жалобъ; я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнее всехъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Верите ли, что я внутренно самъ смеялся надъ собою вместе съ вами? Здесь меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпенія. Въ одномъ месте я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ – угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., у иныхъ уменъ, у другихъ глупъ. Какъ угодно почитайте меня, но только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящій мой характеръ. Верьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душе и что я всю жизнь свою обрекъ благу. Вы меня называете мечтателемъ опрометчивымъ, какъ будто бы я внутри самъ не смеялся надъ ними. Неть, я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся навеки неизгладимыми, и они – верная порука моего счастья».

Другие скажутъ бахвальство сына перед матерью и всего-то, но за годы своей учебы Гоголь собрал в рукописную книгу разнообразнейшіе статьи, ставшіе ему собственной энциклопедией, так можно назвать те записи, а называлась та книга:

«Книга Всякой Всячины, или Подручная Энциклопедия. Составл. Н. Г. Нежин, 1826» и имела следующие главы:

Аптекарскай весь.

Архитектурные чертежи.

Лексиконъ малороссійскій.

Весь въ разныхъ государствахъ.

Hauters des quelques monuments remarquables.

Древнее вооруженіе греческое.

Вирша, говоренная гетману Потемкину Запорожцамию.

Деньги и монеты разныхъ государствъ.

Выговоръ гетмана Скоропадскаго Василю Скалозубу.

Декретъ Миргородской Ратуши 1702 года.

Распространеніе дикихъ деревъ и кустарниковъ въ Европе.

Выписки изъ «Енеиды» Котляревскаго.

Чертежи сельскихъ беседокъ.

Игры, увеселенія Малороссіянь.

Имена, даваемыя при крещеніи.

Нечто объ исторіи искусствъ.
Мысли объ исторіи вообще.
Комерческій словарь.
Рисунки садовыхъ мостиковъ.
Малороссійскія преданія, обычаи, обряды.
Чертежи музыкальныхъ инструментовъ древнихъ Грековъ.
Нечто о русской старинной масленице.
Объ одежде и обычаяхъ Русскихъ XVII века, изъ Мейеберга.
Объ одежде Персовъ.
Обычаи Малороссіянь.
Пословицы, поговорки, приговорки и фразы малороссійскія.
Планетныя система.
О старинныхъ русскихъ свадьбахъ.
Ключъ къ стенографіи Эрдмана.
О свадьбахъ Малороссіянь.
Сравненіе садоваго года Франціи и Россіи.
Объ архитектуре театровъ.
Списокъ російской и балетной труппы С. Петербургскаго театра артистовъ. (Изъ Р. Т. 1825 года).
Pieces de M. Scribe.
Рисунки беседокъ.
Передній фасадъ (прежній) дома въ д. Васильевке, въ готическомъ вкусе.
Задній фасадъ того же дома.
Славянскія цифры.
Наконецъ учеба, длившаяся 6 летъ закончилась и пришло время расстаться съ гимназией.
Представляю, какова была радость Гоголя. Какъ отучился юноша, показываетъ намъ:

Аттестатъ

Николай Гоголь Яновскій, коллежскаго ассесора Василія Афанасьевича сынъ, поступившій 1 мая 1821 г. въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, окончилъ въ оной полный курсъ ученія въ іюне месяце 1828 г., при поведеніи очень хорошемъ, съ следующими въ наукахъ успехами:

Въ Законе Божіемъ съ очень хорошими.
Въ нравственной философіи съ очень хорошими.
Въ логике съ очень хорошими.
Въ російской словесности съ очень хорошими.
Въ правахъ: римскомъ съ очень хорошими.
Въ російскомъ гражданскомъ съ очень хорошими.
Въ уголовномъ съ очень хорошими.
Въ государственномъ хозяйстве съ очень хорошими.
Въ чистой математике съ средственными.
Въ физике и началахъ химіи съ хорошими.
Въ естественной исторіи съ превосходными.
Въ технологіи, въ военныхъ наукахъ съ очень хорошими.
Въ географіи всеобщей и російской съ хорошими.
Въ исторіи всеобщей съ очень хорошими.
Въ языкахъ: латинскомъ съ хорошими.
Въ немецкомъ съ превосходными, французскомъ съ очень хорошими.

И по окончательномъ испытаніи конференціею Гимназіи, на основаніи устава ея, въ 19 день февраля 1815 г. Высочайше утвержденнаго, удостоень званія студента и г. министромъ народнаго просвещенія, въ силу того же устава, утверждень въ праве на чинъ 14 класса, при вступленіи въ гражданскую службу, съ освобожденіемъ его отъ испытанія для производства въ высшіе чины, и при вступленіи въ военную службу, чрезъ шесть месяцевъ, въ нижнихъ званіяхъ, на чинъ офицера.

Въ засвидетельствованіе чего, и данъ ему, Гоголю-Яновскому, сей аттестатъ отъ конференціи Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ казенной печати. Нежинъ 1829 г. Января 25 дня.

Законоучитель нежинскій протоіерей Павелъ Волынскій.

Старшій профессоръ юридическихъ наукъ Михаилъ Белевичъ.

Старшій профессоръ предметовъ російской словесности надворный советникъ Парфентій Никольской.

Физико-математическихъ наукъ старшій профессоръ надворный советникъ и кавалеръ Карль Шапалинскій.

Историческихъ наукъ старшій профессоръ и кавалеръ Кирилъ Моисеевъ.

Французской словесности профессоръ Ландражинъ.

Немецкой словесности профессоръ Фридрихъ Зингеръ.

Санкт-Петербург

Декабрь 1828 год. После небольшой передышки от трудов ученических в родном и милом сердцу именице Гоголь едет в Санкт-Петербург. Вынашиваемая долгие годы мечта с маячащими изогнутыми мостами и блистающими дворцами приблизилась на столько, что захватывало дух и усиливало биение сердца, заставляла торопиться, гнала, не ожидая окончания зимы. Непрístupный чужой во всех отношениях город избалованный увеселениями и роскошью, предпочитающий французские романы не ждал Гоголя и даже не догадывался о существовании некоего скромного сельского парубка, самонадеянность которого была на лицо: из далекой окраины отправлялся он в столицу российской империи и не посмотреть, а с твердым намерением покорить.

Двинулся Гоголь в дорогу с Данилевским и человеком из крепостных Якимом, данным матерью для заботы и уходу.

Из воспоминаний Данилевского:

«...Наконец издали показались бесчисленные огни, предвещавшие о приближении к столице. Мы совсем не могли придти в себя, страшно волновались и беспрестанно высывались из экипажа, что Никоша схватил насморк, и отморозил нос, и ему пришлось сидеть по приезду три дня в доме».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.